

Череда «случайностей» на яхте и в частном кинотеатре обрушилась на Лин Яо, словно два ушата ледяной воды, в одночасье остудив его самоуверенность и пыл. Он начал отчетливо осознавать, насколько неловким и опасным стало его положение в этой игре, где все нити управления находились в руках Цзин Мяои.

Каждый раз, когда он пытался сблизиться с Гу Чуюй, невидимая рука отталкивала его прочь. И всякий раз после такого фиаско Гу Чуюй не только не расстраивалась, но, напротив, получала некое «утешение», идеально подходящее к моменту, после чего на её лице появлялось выражение тайного согласия и даже скрытого торжества.

Это вызывало у него чувство унижения, какого он еще никогда не испытывал. Лин Яо, наследник семьи Лин, разве он когда-либо терпел подобные попреки? Разве кто-то смел так играть с ним? В груди бурлили досада и глухое раздражение. Он решил, что больше не будет занимать пассивную позицию. Ему требовалось «успешное» свидание — пусть даже формально, — чтобы спасти свою пошатнувшуюся репутацию и доказать той женщине, что скрывалась за кулисами, что он не так уж беспомощен.

Он выбрал самый обычный и безопасный сценарий — послеобеденный чай в элитном кафе, славящемся своей атмосферой и уединенностью. Кафе принадлежало его знакомому, и Лин Яо лично обо всем договорился, чтобы исключить любые накладки. В этот раз, к счастью, не произошло никаких «технических неполадок» или «внезапных проверок».

Они сидели друг напротив друга за уютным столиком у окна. Солнечные лучи пробивались сквозь жалюзи, рисуя на столе причудливые узоры, а воздух был пропитан тонким ароматом кофейных зерен. Гу Чуюй маленькими глотками пила горячий шоколад, выглядя рассеянной; её взгляд то и дело устремлялся к окну, словно она чего-то ждала.

Наблюдая за ней, Лин Яо снова почувствовал, как внутри закипает гнев. Внезапно им овладел порыв разрушить эту незримую власть над ситуацией, сделать хоть что-то, чтобы заявить о своем присутствии.

— Чуюй, — он вновь улыбнулся мягкой улыбкой, слегка подался вперед и понизил голос, — у тебя на уголке губ капля шоколада.

Сказав это, он с предельной естественностью протянул руку и кончиками пальцев коснулся её лица. Этот жест, на первый взгляд галантный, на самом деле нарушал границы дозволенного, неся в себе оттенок навязчивой близости.

Гу Чуюй от неожиданности застыла, инстинктивно отпрянув назад, и едва не выронила чашку. Ей не нравились подобные прикосновения. Совсем не нравились. Пальцы Лин Яо были теплыми, и это ощущение разительно отличалось от привычной ей прохлады рук Цзин Мяои. Столь чуждое, подчеркнуто мужское прикосновение вызвало у неё инстинктивное отторжение и замешательство. Она тут же подняла руку и с силой потерла уголок рта, словно пытаясь стереть что-то грязное.

Лин Яо видел эту реакцию, и его улыбка слегка дрогнула, а в глубине глаз промелькнула тень. Её отвращение было слишком очевидным.

В этот момент некстати зазвонил телефон — звонил отец. Лин Яо нахмурился, бросил извиняющееся «прости» и отошел в сторону.

Голос отца, доносившийся из трубки, был полон едва сдерживаемого бешенства:

— А-Яо! Что ты там опять натворил?! Наши партнеры по добыче ископаемых в Южной Америке внезапно в одностороннем порядке объявили о бессрочной приостановке подписания контракта! Они мямлят что-то невнятное, ссылаясь на получение более «авторитетных» рекомендаций и необходимость переоценки рисков! Неужели это опять Цзин...

Отец не договорил, но Лин Яо уже все понял. Более «авторитетные» рекомендации? Кто, кроме Цзин Мяои, обладает таким влиянием, чтобы заставить партнеров на другом конце света в последний момент изменить решение?

Он сжал телефон так, что побелели костяшки пальцев. Слушая упреки отца, он чувствовал себя шутком, выставленным на посмеище. Он полагал, что это лишь безобидная игра, но не ожидал, что каждая попытка сблизиться будет оборачиваться все более тяжелыми ударами по семейному бизнесу.

Повесив трубку, он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы унять бурю внутри, и вернулся за столик. Но теперь на его лице не осталось и следа улыбки — лишь скованность и усталость. Гу Чуюй остро почувствовала перемену в его настроении, но не стала ни о чем спрашивать, продолжая молча пить свой шоколад. Она догадывалась, что это снова проделки сестры Мяои. Интересно, какой «подарок» ждет её на этот раз? Она даже... поймала себя на ожидании.

Чаепитие завершилось в тягостной, почти осязаемой неловкости. Лин Яо довез Гу Чуюй до виллы, но в этот раз даже не стал произносить привычных любезностей при прощании — лишь молча кивнул и уехал. Ему нужно было остыть и переоценить цену этого «контракта».

Гу Чуюй проводила взглядом его машину, которая умчалась так быстро, будто он бежал от погони, но в душе у неё не шевельнулось ничего. Войдя в дом и сменив обувь, она увидела дядю Чэня, который шел навстречу, держа в руках изысканно упакованную прямоугольную коробку.

— Госпожа Гу, ваша доставка.

Глаза Гу Чуюй засияли, она тут же забрала подарок. Коробка оказалась увесистой, обернутой в темно-синюю бумагу с россыпью звезд, перевязанную серебряной лентой — элегантно и сказочно.

Она бережно развязала ленту и открыла крышку. Внутри, на мягком черном бархате, лежала... книга? Нет, не обычная книга. Это был сборник стихов ручной работы в переплете из нежной

кожи ягненка. На обложке не было ни слова — лишь тисненый золотом рисунок звездного неба, точь-в-точь как на картине в её кабинете и на конверте виниловой пластинки.

Она осторожно открыла книгу. Плотные страницы с приятной текстурой были исписаны от руки: на каждой — стихотворение на иностранном языке о звездах, ночи и вечности. Почерк был знакомым и изящным, в нем чувствовалась сдержанная, глубокая сила — это был почерк Цзин Мяои. Не типографский шрифт, а настоящий рукописный текст. Страница за страницей, весь сборник от начала до конца.

На последней странице, внизу, той же рукой была выведена фраза:

All the stars are yours. (Все звезды принадлежат тебе.)

Гу Чуюй провела пальцами по этим словам, словно ощущая след чернил на бумаге. Её сердце сжалось от чего-то острого, а затем медленно разжалось, наполняясь кисло-сладким и обжигающим теплом. Она отчетливо представила, как в перерывах между делами за океаном, в бесчисленные глубокие ночи, Цзин Мяои сидела за столом при свете лампы и слово за словом переписывала для неё эти стихи. Сколько же душевных сил это потребовало.

По сравнению с романтичными на вид, но пропитанными расчетом и манипуляцией свиданиями Лин Яо, этот молчаливый, неуклюжий, но впитавший в себя столько времени и чувств подарок был настолько весомым, что у неё перехватило дыхание. Все её прежние капризы, проверки и тайная радость от того, что свидания «срывались», в этот миг показались ей такими детскими и нелепыми.

Навязчивые прикосновения Лин Яо вызывали у неё дискомфорт. А этот сборник звездных стихов, преодолевший океан и доставленный без лишнего шума, точно попал в самое уязвимое место её сердца.

Прижав к себе тяжелую книгу, она медленно опустилась на пол, прижавшись разгоряченной щекой к прохладной обложке, пахнувшей кожей и чернилами. Последние остатки вины перед Лин Яо испарились без следа.

Она наконец осознала: Лин Яо всегда был лишь незначительной декорацией. А Цзин Мяои... её сестра Мяои, проявляя почти болезненную настойчивость, говорила ей:

Смотри, всё, что могут дать тебе другие, я тоже могу. А то, чего не могут другие, я дам тебе тем более. В твоём мире должна быть только я.

Гу Чуюй закрыла глаза, и её губы невольно растянулись в улыбке. Она крепче обняла книгу, словно держала в руках свет всех звезд во Вселенной.

Лин Яо начинал чувствовать, что что-то не так. Нет, все было совсем не так. В этой игре, которая, как ему казалось, проходила под его диктовку, на деле он был лишь марионеткой, и теперь он начал осознавать, что выглядит полным дураком.

<http://bllate.org/book/20060/1983547>